

Е. А. Дубровская

Екатеринбург, Россия

ФОТОГРАФИЯ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: повседневность, «жизненный мир», схемы социального действия, интуитивная достоверность.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию повседневных практик, на примере фотографии. Анализируется потребность в интерпретации повседневности современного человека и желание рассказать о себе посредством фотографии.

Е. А. Dubrovskaya

Yekaterinburg, Russia

PHOTO AS THE WAY OF REFLECTION OF DAILY OCCURRENCE

KEY WORDS: daily occurrence, «the vital world», schemes of social action, intuitive reliability.

ABSTRACT: Article is devoted research daily an expert, on a photo example. The requirement for interpretation of daily occurrence of the modern person and desire to tell about itself by means of a photo is analyzed.

Повседневность стала объектом внимания философско-гуманитарного исследования в XX веке. Первым значимость философского осмысления не только высоких абстракций, но и обыденного существования людей ввел Э. Гуссерль. Повседневность была представлена понятием «жизненный мир», а философское осмысление приняло форму феноменологической психологии. Э. Гуссерль обратился к изучению человеческой действительности, осознавая беспомощность науки помочь человеку в решении жизненных реалий повседневности. Наука, по мнению Э. Гуссерля, способна лишь заменить миром объективированных абстракций живой человеческий мир, но не выявляет самой его сути – жизненности. Для жизненного мира, по Гуссерлю, характерны очевидность, интуитивная достоверность его феноменов, а также его

анонимная субъективность для каждого индивида. Можно говорить о личном «жизненном мире», его персональном «горизонте», т.е. целях, задачах, миссии. В более структурированной форме жизненный мир может проявляться в образовании «закрытых» миров, например, узких профессиональных сфер, требующих особой подготовки и недоступных прямому постижению. «...Тематически присутствуя в нашем частном мире (под предводительством высшей цели, которая «производит» этот мир), жизненный мир остается нетематизированным» [1. С. 459].

Э. Гуссерль считал, что обращение к жизненному миру и есть обращение к глубинной реальности жизни. Однако, постановка вопроса о жизненном мире явилась лишь первым шагом на пути к складыванию теории повседневности.

А. Шюц анализировал объекты социальной объективности, конструирование «значимых действий», а затем и «субъективных смыслов». В основу исследования А. Шюца положена идея процессуальности структур социального мира, находящегося в постоянном развитии и изменении, обусловленных нашим познанием этих структур. В зависимости от определенного восприятия человеком конкретной ситуации производится выбор соответствующей схемы социального действия, которая вызывает реакцию других людей. Познание ситуации и есть ее изменение. Множество таких ситуаций складывает объективную реальность, однако для нас она остается необозримой. Доступной оказывается лишь та ее часть, что входит в сферу нашего непосредственного опыта.

Именно в этой непосредственности, предметно-телесной закреплённости Шюц видел уникальную специфику повседневности, по отношению к другим сферам человеческого опыта («конечным областям значений») Все они – сон, игра, религия, наука, творчество и другие – связаны с определенной совокупностью значений, замкнуты в себе и не предполагают перехода из одной в другую. Мы производим некое усилие, фокусирование, чтобы перенести свое внимание от, например, игровой ситуации к переживанию религиозного опыта.

Каждый из переходов – сфера опыта, единственный и универсальный источник нашего знания о мире. Но именно повседневность обладает той материальной конкретностью, которая дает Шюцу повод определять ее как «верховную реальность». Связь повседневности с телесной конкретностью переживания окружающего мира во многом определяет обыденное восприятие ее как объективного, «нормального» течения жизни, привычного «порядка вещей». В сфере повседневности возникает механизм интерпретации, как удовлетворении потребности в освоении того, что выбивается из ряда при-

вычных явлений. Шюц определяет интерпретацию применительно к реальности либо как знака, либо как символа.

На первой ступени интерпретации события и его освоения мы имеем дело со знаком. В том случае, если не удастся вписать ситуацию в повседневное значение, мы имеем дело с символом. Символы вскапывают трансцендентную реальность и, по Шюцу, являются средством коммуникации между этой реальностью и реальностью повседневной жизни. Однако характер этой коммуникации неоднозначен, символы могут выступать неким заслоном, удерживающим поток незнакомых явлений от проникновения в привычный мир. В обыденно реальности так и происходит, встроены механизмы, функция которых – элиминировать воздействие трансцендентного, сведя его к повседневности. Каждый из этих социальных механизмов (институтов, медицина, религия и пр.), вырабатывает собственные специфические методы сохранения суверенитета повседневности, являя собой, таким образом, профессиональную интерпретацию. Вариативность интерпретаций не может быть бесконечной, иначе был бы хаос. Типизация явлений, процессов, состояний – это прагматично и транслируется в повседневной среде. По Шюцу, этот механизм определяется двумя постулатами: взаимозаменяемости точек зрения и постулатом совпадения «систем релевантностей». «Я принимаю на веру – и предполагаю, что другой поступает также, – что, если я поменяюсь с ним местами так, что его «здесь» станет моим, то я буду находиться в том же удалении от предметов и видеть их в той же степени типичности, как и он сам, более того, для меня будут достижимы те вещи, что и для него (и наоборот)» [5. С. 112]. В ходе типизации объекты лишаются уникальных черт и приобретают унифицированность, универсальность, безразличие – черты социальности.

Таким образом, в социальном взаимодействии мы имеем дело не с предметами, явлениями, людьми, а с типами, что позволяет упростить и одновременно осуществить коммуникацию. Именно такое «всеобщее согласие» в отношении повседневного восприятия тех или иных явлений и обуславливает органическое единство человечества.

«Идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях», – писал О. Конт [2. С. 19]. По мере расширения границ опыта человечества (в географическом, историческом, религиозном и прочих планах) – опыта повседневного действия, меняются сами структуры и механизмы взаимодействия с ними. При выходе на столь крупный масштаб рассмотрения, неизбежным становится обращение к концепту репрезентативной культуры. Концепция репрезентативной культуры была предложена и разработана немецким философом Ф. Тенбруком.

Социум является в культуре, следовательно, современная теория для исследования структур повседневности должна обратиться к феноменам репрезентативной культуры. Выделим основные характеристики современной культуры – это массовость. Х. Ортега-и-Гассет дает определение массы: «Масса – это средний человек. Таким образом, чисто количественное определение – «многие» – переходит в качественное. Это совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип» [4. С. 27]. Массовость оказалась ответом, прежде всего, на доступность жизни в материальном отношении. Комфорт и общественный порядок, базирующийся на материальной обеспеченности, стали теми достаточными основаниями, которые исключили существование у человека высших, духовных потребностей. Он теряет чувство горизонта: «...человек не видит

перед собой никаких социальных барьеров. С рождения он и в общественной жизни не встречает рогаток и ограничений. Никто не принуждает его сужать свою жизнь... Не существует ни сословий, ни каст. Ни у кого нет гражданских привилегий. Средний человек усваивает как истину, что все люди узаконено, равны» [4. С. 27]. Желание следовать некому заданному стандарту и притом с максимальной простотой его исполнения, спрос на простоту в использовании.

Массовость, неизбежно влияет на качество произведения, ориентируя на массу. На первом месте оказываются такие характеристики, как простота, доступность, заурядность. В соответствии с этим механизмом репрезентации становится – изображение – фотография. Механистическое, не требующее художественного мастерства и кропотливости в ремесленном и рукотворном смысле. «Фотография впервые освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу» [6. С. 17].

Говоря о реальности, построенной на визуальном восприятии, о галактике Гутенберга, говорит в своей работе М. Маклюэн [3]; о тексте, в его массовой, вседоступной, довлеющей ипостаси, который перенес привычную аудиотактильную установку человеческого восприятия на преимущественно визуальный канал взаимодействия с окружающим миром. Монополия визуальности столь сильна, что западная цивилизация включила ее в свой язык, сделала посредником между человеком и выстраиваемым вокруг него событийным и предметным рядом. Визуальное восприятие менее рефлексивно, быстрее усваивается сознанием, часто оставляет незадействованными неустребованными более глубокие ряды, в нем заключенные. С другой стороны, именно такая «поверхностность», кажущаяся однозначностью и наглядностью изображения

делает его столь привлекательным. Это определенный диктат техничности XXI века. Сам факт изобретения и внедрения в массовое использование новых технических средств изменил до неузнаваемости материальный ряд повседневного существования человека. Транспорт, машинное производство, средства связи и прочее – сложно вообразить в насколько ином масштабе явился человеку этот новый мир безграничных возможностей. Но вместе с тем принципиально изменился и характер отношения человека миру. Прежде всего, это отношение стало опосредованным – машиной, автоматом, аппаратом. Исчезла личностная уникальная связь человека с окружающим миром предметов и событий. Мир перестает быть рукотворным, а значит, подчиненным человеку. На первый план выходит функция, возможность ее осуществлять. Такой механизм взаимодействия определил сценарий современного мира. Ориентация на общую, безличную, объективную истину, высчитанную машиной. В каких структурах репрезентирует себя современная культура? Один их феноменов трансляции собственной системы ценностей и закрепления опыта повседневности является фотография.

Фотография отражает реальность в материальном ее выражении – телесных практиках повседневного мира че-

ловека. Фотография сделала повседневность предметом рефлексии и эстетического удовольствия, обратила интерес человека с высших субстанций к их выражению в структурах и формах обыденного, повлияла на способ этого выражения. Фотография сыграла огромную роль в формировании репрезентативной культуры, в том виде, в котором она существует сейчас. «Изобретение фотографии – такое же исторически решающее событие, как и изобретение письменности» [6. С. 19].

Фотоаппарат фиксирует «здесь – и сейчас». Взгляд зрителя на ситуацию оказывается, обусловлен фотографом, однако сама ситуация, ее существование и подлинность, запечатленные фотографией, остаются фактом. Фотография, по вышеупомянутым свойствам, попадает в разряд массовость. Технически несложный процесс производства изображений (непосредственно съемку), его доступность абсолютно каждому обычному индивиду, его массовость в качественном отношении, привлекателен для современного человека. Это объясняет постоянное обновление и производство. Автор считает, фотография становится повседневной практикой и позволяет людям приобщиться к миру искусства, выразить собственные ценности, приоткрывает тайну внутреннего мира человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994.
2. Конт О. Курс позитивной философии. – М.: Либроком, 2011.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – М.: Академический Проект; 2005.
4. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. – М.: Издательство АСТ, 2008.
5. Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом: – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
6. Флюссер В. За философию фотографии. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.